

Н.В. Щедрин*, Н.А. Никитина**

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье обосновывается комплексный характер института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия, который, по мнению авторов, сочетает четыре вида мер уголовного воздействия: наказания, поощрения, безопасности и восстановления.

Вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства: упразднить освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия и, в частности: исключить из перечня ограничений и особых требований к поведению такую меру, как «предупреждение»; дополнить перечень обязанностями «пройти курс социально-психологического тренинга», «процедуру медиации» и запретами «контактов с определенными лицами», «посещения определенных мест»; сделать указанный перечень закрытым.

Ключевые слова: юриспруденция, освобождение, наказание, безопасность, восстановление, поощрение, медиация, тренинг, ограничения, комплекс.

Спектр мнений относительно правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия (далее — ПМВВ)¹ в науке уголовного права разнообразен, и с трудом поддается систематизации. Судя по всему, одни исследователи процесс определения правовой природы рассматривают как установление их отраслевой принадлежности: уголовные или административные²; другие — как

установление вида уголовно-правового воздействия: ответственность или не ответственность, наказание или не наказание³.

Нам представляется, что *de lege lata* вопрос об отраслевой природе ПМВВ следует решать просто и прагматично. Если применение данных мер предусмотрено уголовным законодательством, значит — это меры уголовно-правового, а если административным — это меры административно-правового характера.

¹ Принудительные меры воспитательного воздействия до принятия УК РФ 1996 г. именовались принудительными мерами воспитательного характера. В настоящей статье имеются в виду те и другие.

² Например, В.А. Терентьева пишет, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, предусмотренное ч. 2 ст. 92 УК РФ, имеет двойственную правовую природу: и уголовно-правовую и административно-правовую (см.: Терентьева В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа:

автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск. 2008. С. 7). А.В. Карелин считает, что даже будучи закрепленными в УК РФ, ПМВВ не являются уголовно-правовыми по их юридической природе, а относятся к административно-правовым (см.: Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 113).

³ Об этом см., напр.: Иванов П.В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2003. С. 61–79.

© Щедрин Николай Васильевич

* Доктор юридических наук, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета

[sveroboy@mail.ru]

660075, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Маерчака, каб. 122.

© Никитина Наталья Александровна

** Соискатель кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета

660075, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Маерчака, каб. 122.

Схожесть мер, которые используются в административном и уголовном законодательстве, в этом плане ничего не меняет. Ведь наличие штрафа в административном законодательстве не дает оснований считать правовую природу штрафа, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, административно-правовой.

Вопрос о том, к какой отрасли права должны принадлежать ПМБВ *de lege ferenda*, в юридической литературе не поднимается. Мы полагаем, что если ПМБВ используются как правовые последствия деяния, запрещенного уголовным законом, то они должны размещаться в Уголовном кодексе, а если в качестве последствия административно запрещенного деяния — в административном законодательстве.

Наибольшее число дискуссии связано с отнесением ПМБВ к тому или иному виду мер уголовно-правового характера. Одни исследователи (Л.В. Багрий-Шахматов, В.И. Горбцов, Л.А. Кривоченко, А.В. Наумов) считают принудительные меры специфической формой осуществления уголовной ответственности, другие (Е.В. Болдырев, П.В. Иванов, А.В. Карелин, Н.Ф. Кузнецова, И.С. Ной, В.А. Пимонов, Н.К. Семернёва) — мерами, альтернативными уголовной ответственности и наказанию. Некоторые авторы (В.И. Арькова, Г.В. Виттенберг, Г.С. Гаверов, С.Г. Келина, В.Д. Филимонов, А.Е. Якубов) полагают, что к определению юридической природы данного института уголовного права следует подходить по-разному, в зависимости от того, каков порядок применения судом принудительных мер воспитательного характера: освобождение от ответственности или от наказания.

Большинство специалистов как советского, так и постсоветского периода склонялись и склоняются ко второй точке зрения: ПМБВ — это альтернатива уголовной ответственности и наказанию. При этом артикулируются признаки, которые отличают эту группу мер от ответственности (наказания): не карательный характер, отсутствие судимости и пр.⁴ Системное толкование действующего уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что законодатель поддержал именно эту

⁴ Так, А.Е. Якубов пишет, что данные меры отличаются от наказания тем, что они не содержат кары и назначаются с целью исправления несовершеннолетнего (Якубов А.Е. Развитие законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник МГУ. Серия II: Право. 1989. № 1. С. 54). Авторы Комментария к Уголовному кодексу РФ считают, что отличие указанных мер от наказания состоит в том, что они не влекут за собой судимости (Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М.: Изд-во НОРМА-ИНФРА. М., 2001. С. 193).

позицию, и рассматривает ПМБВ не как наказание, а как «иные меры уголовно-правового характера»⁵.

Более перспективной представляется позиция «альтернативщиков». Она позволяет решить ряд застарелых дискуссионных проблем уголовного права, а, в частности, проблему «минимального возраста уголовной ответственности». В русле этого подхода, возраст уголовной ответственности (в нашей трактовке — уголовного наказания), как правильно пишет В.А. Пимонов, может даже повышаться до 16 лет⁶. А вот возраст применения «иных мер уголовно-правового характера», на наш взгляд, может быть установлен даже с 11 лет⁷.

Однако для дальнейшего развития науки уголовного права и совершенствования уголовного закона уже недостаточно оперировать категориями «ответственность — не ответственность», «наказание — иные меры». Пора более конкретно определить содержательный характер ПМБВ.

По мнению А.Н. Тарбагаева, «меры воздействия, применяемые к несовершеннолетнему, совершившему преступление, сохраняют уголовно-правовой характер, так как предусмотрены уголовным законом, хотя и не являются уголовной ответственностью, поскольку назначаются не обвинительным приговором, а специальным определением. Эти меры можно назвать «ответственностью несовершеннолетних по уголовному праву». От основного массива уголовной ответственности они отличаются не только процессуальной формой реализации, но и вытекающими отсюда юридическими последствиями, определяющими правовой статус лица»⁸.

Иными словами, если следовать трактовке А.Н. Тарбагаева, то в науке уголовного права и в законодательстве наряду с нечетко определенной категорией «уголовная ответственность» должна появиться еще одна, более неопределенная категория — «ответственность по уголовному праву».

⁵ См. Бузанов К.Н. Особенности назначения наказания несовершеннолетним: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 157.

⁶ Пимонов В.А. Иные (некарательные) меры в уголовном законодательстве России: современное состояние и перспективы развития // URL: http://crimpravo.ru/blog/u_zakon/1653.html#cut Дата посещения 18.02.13 г.

⁷ Обращаем внимание коллег на то, что указанное предложение не является «революционным». В соответствии с действующим законодательством, несовершеннолетний за совершение деяния запрещенного уголовным законом, может быть помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение с 11-летнего возраста.

⁸ Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: учеб. пособие. Краснояр. гос. ун-т, Красноярск, 1994. С. 67.

Ряд авторов акцентируют внимание на воспитательной составляющей ПМВВ. Так, А.А. Примаченок отмечает, что подобные меры являются не наказанием, а средством воспитания и предупреждения правонарушений⁹. Такой подход, на первый взгляд, вытекает из названия данной группы мер, но вовсе не определяет их сущность. Воспитательный потенциал имеют любые меры, предусмотренные уголовным законодательством. В частности, наказание также является средством воспитания и тем более средством предупреждения, на что прямо указывает ч. 2 ст. 43 УК РФ. Своеобразие ПМВВ определяет не столько воспитательный, сколько принудительный аспект. Регламентация воспитательных мер «в чистом виде» лежит за пределами уголовного права. Для уголовно-правовой характеристики гораздо важнее, к какому виду (разновидности) иных мер уголовно-правового характера относится «принудительное обрaмление» воспитательного воздействия.

В этом плане более конкретна позиция Д.В. Карелина, который, специально исследуя ПМВВ, пришел к выводу, что среди них можно выделить меры воспитания в тесном смысле слова и ограничительные меры, аналоги которых чаще всего именуется «специально-предупредительными мерами» или «мерами безопасности»¹⁰.

Подобная точка зрения уже около двадцати лет обосновывается одним из авторов настоящей статьи¹¹, и надо сказать, что она не так уж оригинальна. Н.С. Таганцев, более ста лет назад, комментируя ст. 41 Уголовного уложения 1903 г., «отдачу под ответственный надзор», «помещение в воспитательное заведение», «отдачу в монастырь», «заклучение в особые помещения при тюрьмах и арестных домах», которые предусматривались в отношении несовершеннолетних, учинивших преступные деяния, называл «мерами безопасности»¹².

⁹ Примаченок А.А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Минск: Белгосуниверситет, 1990. С. 209.

¹⁰ Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 9.

¹¹ Щедрин Н.В. Меры безопасности в системе предупредительной деятельности // Вопросы уголовной политики. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С. 155.

¹² См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственном Совете и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб: Издание Н.С. Таганцева, 1904. С. 80.

Воспитательные меры «в тесном смысле слова» применяются ко всем несовершеннолетним, независимо от того, совершили они преступление или нет. Факт совершения деяния, запрещенного уголовным законом, свидетельствует о том, что личность автора деяния характеризует такой признак, как общественная опасность. Для нейтрализации общественной опасности личности, которая с высокой вероятностью может привести к повторению общественно опасного деяния, применяются специальные ограничения — меры безопасности.

В действующем уголовном законодательстве признакам мер (санкций) безопасности соответствуют: передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; ограничение досуга и установление особых требований к поведению; помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Перечень ограничений безопасности, на наш взгляд, следовало бы дополнить обязанностями пройти курс социально-психологического тренинга, процедуру медиации и запретами контактов с определенными лицами, посещения определенных мест. Правоограничения, составляющие содержание перечисленных мер, сориентированы на нейтрализацию развития опасных свойств личности несовершеннолетнего и создают своеобразные «берега» для благоприятного течения воспитательного процесса.

Кроме мер безопасности в нынешнем перечне ПМВВ есть и мера восстановления — «обязанность загладить причиненный вред». А вот такую меру, как «предупреждение» в нынешней редакции (ч. 1 ст. 91 УК) трудно отнести к мерам уголовно-правового характера. Эта «чисто» воспитательная мера не содержит никаких ограничительных элементов, а потому ее целесообразно из перечня исключить вообще.

Действующая редакция ст. 90, 91, 92 УК РФ не позволяет однозначно решить вопрос о правовой природе такой меры, как «помещение в закрытое учебно-воспитательное учреждение Управления образованием». Для нас совершенно очевидно, что эта «стационарная» мера является одним из видов ПМВВ, которая отличается от «амбулаторных» мер¹³, перечисленных в ст. 90 УК, только тем, что ограничения безопасности в ней связаны с изоляцией от общества. Для устранения неверного толкования было бы правильным включить эту «стационарную» меру в пере-

¹³ Здесь можно взять за образец одну из классификаций уголовного права ФРГ, где все меры безопасности делятся на «амбулаторные» и «стационарные».

чень ст. 90 УК, а ее содержание расшифровать в ст. 91 УК РФ.

В соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ перечень ПМВВ не является исчерпывающим. Однако наличие принудительной составляющей диктует закрытый перечень ограничений и особых требований к поведению¹⁴.

В соответствии с действующим уголовным законодательством принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться только в связи с *освобождением* от уголовной ответственности и наказания. Поскольку наказанию посвящена Глава 9 Уголовного кодекса РФ, особых проблем с пониманием второго вида освобождения у правоприменителя не возникает. А вот определения уголовной ответственности в действующем УК нет, а потому совершенно непонятно, от каких обременений мы освобождаем несовершеннолетнего. Доктринальное и нормативное толкования в этом случае, видимо, не помогают уяснению сущности первого вида освобождения¹⁵. Иначе, чем объяснить его редкое практическое применение?

Выход из ситуации неопределенности видится нам в полном отказе от использования института освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВВ.

Нам кажется, что ключ к пониманию правовой природы и перспектив использования освобождения с применением ПМВВ в уголов-

ном законодательстве России дает концепция «четырехколейной модели» современного российского уголовного права¹⁶, в соответствии с которой указанный институт следует рассматривать как комплексный. В этом институте «параллельно» или «последовательно» соединяются меры (санкции): поощрения (освобождение от наказания), безопасности (надзор, ограничение досуга и установление особых требований к поведению, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), восстановления (обязанность загладить причиненный вред). Заметим, что в случае систематического неисполнения указанных ограничений, законом предусмотрена возможность применения (т.е. «последовательного» присоединения) мер (санкций) наказания.

Весь поощрительно-ограничительный комплекс ПМВВ вкупе с угрозой наказания за уклонение от него создают рамки для организации интенсивного воспитательного воздействия с целью возвращения несовершеннолетнего в норму взросления.

Предложенная выше трактовка позволяет в сложном «сплаве» института освобождения с применением ПМВВ выделить «первоэлементы», а далее применительно к каждому из них определить цели, критерии применения, а также субъектов исполнения.

Библиография:

1. Иванов П.В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д, 2003.
2. Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2001.
3. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве: учеб. пособие. Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск, 1994.
4. Пимонов В.А. Иные (некарательные) меры в уголовном законодательстве России: современное состояние и перспективы развития // Электронный ресурс // URL: http://crimpravo.ru/blog/u_zakon/1653.html#cut. Дата посещения 18.02.13 г.
5. Щедрин Н.В. «Четырехколейная» модель российского уголовного права: опыт законодательного проектирования // Современная уголовная политика : поиск оптимальной модели: ма-

¹⁴ Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, на наш взгляд, относится к ограничениям прав и свобод граждан, а потому, в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, должно быть предусмотрено только федеральным законом.

¹⁵ На это обстоятельство справедливо обращает внимание Т.Г. Понятовская, А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. См.: Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. М.: Проспект, 2010. С. 293–295; Уголовно-правовое воздействие: монография / коллектив авторов; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. С. 217–219.

¹⁶ Подробнее см.: Щедрин Н.В. «Четырехколейная» модель российского уголовного права: опыт законодательного проектирования // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: матер. VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 309–317.

тер. VII Российского конгресса уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). — М.: Проспект, 2012. — С. 309-317.

References (transliteration):

1. Ivanov P.V. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya v ugovnom prave: dis. kand. jurid. nauk. — Rostov-n/D, 2003.
2. Karelin D.V. Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa ugovnoi otvetstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk. — Tomsk, 2001.
3. Tarbagaev A.N. Otvetstvennost' v ugovnom prave: ucheb. posobie. Krasnoyar. gos. un-t. — Krasnoyarsk, 1994.
4. Pimonov V.A. Inye (nekaratel'nye) mery v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Elektronnyi resurs // URL: http://crimpravo.ru/blog/u_zakon/1653.html#cut. Data posesheniya 18.02.13 g.
5. Shedrin N.V. «Chetyrehkoleinaya» model' rossiiskogo ugovnogo prava: opyt zakonodatel'nogo proektirovaniya // Sovremennaya ugovnaya politika: poisk optimal'noi modeli: mater. VII Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava (31 maya — 1 iyunya 2012 g.). — М.: Prospekt, 2012. — S. 309-317.

Материал получен редакцией 30 марта 2013 г.